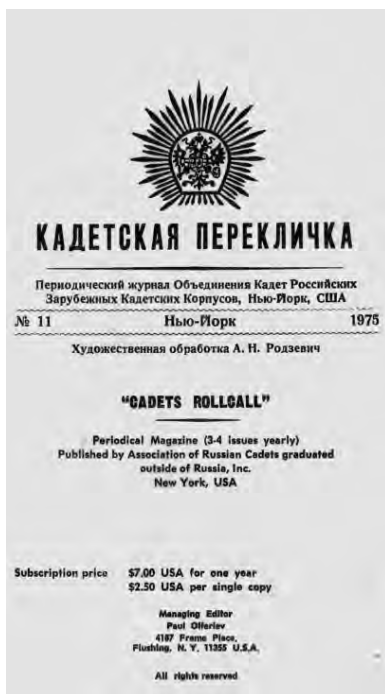

Леонид Буйневич
«Кронштадт»

«Подруга дней моих суровых...»

А. Пушкин

Где ты, девочка?..
На чулочках стрелочки,
Ледяные каблукы,
Легкое пожатие руки...
В суеде вокзальной
– Стыдно целоваться,
В тесноте вокзальной
– Трудно расставаться...
Крестик на груди,
Синие погоны.
На втором пути
– Красные вагоны,
А за вагонами
– Все беспогонное
И – белая метель...
Где ты, девочка, теперь?..

А. Туроверов
35 в. Д. К. К.

... Мы много говорим о себе и повторяем,
Но о подругах тех дней забываем.
Человеческая память эгоистична,
А они (подруги) – слишком другие.

Недавно мне прислали письмо «оттуда»,
в нем не было оскорблений, ни похвал,
но было желание общения, это – главное.
Я прочел это письмо, и невольные слезы
затуманили глаза. Их (слезы) – я забыл
с давних пор.

Твой А. Т. (как знают меня)

Рождество Христово 1919 года не было похоже на радостный праздник, хотя во многих окнах серых одесских домов и виднелись зажженные свечи на украшенных елках. Но они горели как-то особенно спокойно, освещая украшенные ветки, и были больше похожи на панихидные свечи, чем на праздничные.

Помню, на улицах было мокро, холодно и совсем не уютно. Большинство проходящих женщин были одеты в траур, с лицами, покрытыми густой черной вуалью, а многие мужчины носили черные повязки на рукаве левой руки. Издали доносилась артиллерийская стрельба, к которой тревожно прислушивалось население Одессы и военные. Военных же было в то время много: французы, зуавы, англичане, итальянцы, сербы и русские добровольцы ген. Гришина-Алмазова. Одесский порт и рейд были полны военными кораблями, и иностранные моряки наполняли рестораны на одесских улицах; не было бы большой ошибкой временно переменить название города Одессы – на Вавилон.

Артиллерийская стрельба приближалась к городу с каждым днем. В один из таких серых дней нас в корпусе разбудили немного раньше обычного времени и приказали укладывать свои вещи. Быстро получили из цейхгауза корзинки и выбросили ненужные вещи из классных парт и ночных столиков, набивая тесно кадетские корзинки тем, что нужно было взять. Готовы были быстро. После завтрака к зданию корпуса подошли заказанные крестьянские подводы, на которые мы стали складывать вещи. Когда все было готово, нас построили и, не объясняя и не спрашивая ничего, скомандовали: «Шагом марш!». Вышли без оркестра, без барабана и даже без песен.

Усиленная артиллерийская перестрелка приблизилась, казалось, к самому городу; откуда-то доносились звуки пулеметных

очердей и даже были слышны отдельные ружейные выстрелы. Становилось ясно, что горсточка большевиков побеждает «вавилонские» армии, но мы лишь молча слушали и не разговаривали, пока шли в строю, тем более что нас больше интересовало, куда нас ведут? Через пару часов наше любопытство было удовлетворено. Наш новый командир роты, полк. Навроцкий, командовал: «Стой, стоять вольно!». Мы были в порту, и нас остановили перед огромным серым кораблем, на носу которого большими буквами было написано название «Кронштадт». «Это плавучая военная мастерская Балтийского флота», – объяснил какой-то знаток из кадет. И пусть будет так, мы не спорили; мы устали от ходьбы, и нам было совершенно безразлично. Революция, охватившая нашу родину, показала нам слишком много разных неожиданных фокусов, после которых какая-то плавучая мастерская нас совершенно не удивляла.

Эта серая огромная махина стояла, пришвартовавшись к самой пристани. На палубе лениво передвигались матросы, а на корме шумно работала лебедка. Грузили вещи с подъехавших подвод. Длинный трап был спущен на пристань, и по нему уже медленно поднимались чины какого-то авиационного отряда. После них, по распоряжению ген. Саранчева, быв. директора Сумского кад. корпуса, началась погрузка 3-й роты кадет. Ген. Саранчев был заместителем директора Одесского корпуса, полк. Бернацкого, который вместе с воспитателями и всей 4-й ротой корпуса остался в корпусном здании.

После погрузки 3-й роты по команде на трап ступил левый фланг 2-й роты. Нас разместили в большом трюме, по-видимому, бывшей огромной столовой. Устраивались просто на полу, в таком же порядке и соседстве, как и в спальнях корпуса на кроватях. За 2-й ротой грузилась 1-я рота, которая была размещена в носовом трюме корабля. Потом погрузились институтки Одесского института, а за ними какая-то сборная офицерская часть и кто-то еще; в общем, на корабле насчитывалось пассажиров около полутора тысяч человек. При погрузке, конечно, не обошлось без происшествий: двое кадет 2-й роты умудрились упасть в море, угодив между кораблем и молом, причем один из них, Охримович, кое-как плавал, а другой, болгарин Стой-

чев, плавать не умел и наглотался соленой воды. Слава Богу, оба были спасены, вытащены из воды и отправлены в трюм для просушки, под смех и шутки остальных кадет. Оба тряслись от озноба и стучали зубами громко и быстро, а с палубы доносился грохот работающей лебедки, а в промежутках слышались крики грузчиков, то «вира», то «майна». Что означали эти таинственные слова, никого не интересовало.

К вечеру шум лебедки прекратился, ушам стало приятно, можно было нормально разговаривать, а не кричать и не надрываться. Вскоре за этим с палубы донеслись новые крики: «Отдай концы!» – повторяющиеся несколько раз в настойчивой форме. «Господа, кто успел спереть концы? Отдайте скорей, не то будут неприятности!» – пытались острить некоторые кадеты, но никто не смеялся и даже не улыбался, как-то было не до остроу.

«Кронштадт» медленно отходил от пристани, тяжело поворачивался и шел к выходу из Одесского порта. Команда на «Кронштадте» была военная, состоявшая из матросов Балтийского флота. Они лениво, но ловко складывали канаты на палубе, молча бродили около спасательных лодок, что-то завязывали, стягивали, а что-то и развязывали, одним словом, занимались своим привычным делом, не отвечая на вопросы любопытных пассажиров и относясь к ним подчеркнуто недружелюбно. «Кронштадт» развивал ход, выходя из порта, миновал множество иностранных военных кораблей и вышел в открытое море.

С палубы виднелась Одесса, залитая электрическим светом и мигающими кое-где цветными рекламами. Было холодно и сыро. Все как-то сразу поспешили скрыться в свои трюмы и поудобнее устроиться на полу для сна. Разговоры смолкали, вскоре свет был погашен, и только в разных местах трюма тускло мерцали контрольные лампочки, вызывая еще больше сонное настроение.

Часа в три ночи «Кронштадт» вдруг вздрогнул. Толчок был такой сильный, что все сразу проснулись, и был зажжен свет. Все с тревогой и недоумением смотрели друг на друга, с палубы доносился топот ног, какие-то крики и истерический плач инстинтуток. Чей-то тенор кричал наверху: «Тонем! Тонем!». По всему можно было судить, что на палубе была паника. Наш трюм быстро опустел – все бросились наверх. И действительно, на палубе

происходила настоящая истерическая паника. Кто-то раздавал спасательные пояса, но их не хватало для всех, а потому ими снабжали только институток и младших кадет 3-й роты. Какой-то воспитатель из этой роты с паническим криком «Я не умею плавать!» вырвал из рук одного кадета спасательный пояс и дрожащими руками надевал его на себя, многие бросились к спасательным лодкам. Но их на местах не оказалось, но и матросов тоже не было видно, как это ни странно. Тогда старшие кадеты 1-й роты, видя всю панику, овладевшую даже некоторыми из наших офицеров, быстро организовались, соединились со 2-й ротой, и на палубе ночью вдруг раздалось спокойное пение кадетского хора: «...В нас дух отцов богатырей, и дело наше право, сумеем честь мы отстоять иль умереть со славой!..». Песня за песней неслись по простору Черного моря, начиная успокаивать испуганных людей, и вскоре паника улеглась. Часть старших кадет пошла разузнавать причины происшедшего толчка корабля, остальные же продолжали пение.

Вскоре все было выяснено. Оказалось, что матросы подложили в одно из помещений носового трюма «Кронштадта» адскую машину, сами погрузились во все лодки, имевшиеся на корабле, и под покровом ночной темноты незаметно покинули «Кронштадт». Надо полагать, что с офицерским составом корабля они расправились по-своему, или же забрали их с собой. Но как это им удалось сделать, об этом никто и никогда не узнает.

На пустом капитанском мостике не было никого. Руль был крепко закреплен, направляя корабль в одном направлении. Кадетами был быстро разыскан какой-то морской офицер, понимавший в управлении кораблем, и его попросили принять командование. Было установлено, что закрепленный руль направлял «Кронштадт» на минное поле; в начале войны с Германией и с Турцией как раз в этом месте Черного моря, где мы находились, был нами подбит немецкий крейсер «Гебен», который прошел через Босфор погулять и попугать прибрежные русские города. Газеты в свое время много кричали об этом и критиковали нашу оборону. Наделал «Гебен» много шума и в Крыму, и в Одессе, пострелял немного по берегам, но толку от этого не было никакого, только сам получил артиллерийские гостинцы с берега и поврежденным ушел обратно.

Заплыв в самую середину минного поля, «Кронштадт» каждый момент мог взлететь на воздух и разорваться на части. Но в нашей среде не было ни страха, ни даже разговоров на эту тему; мы, конечно, знали, что минные поля – это не шутка, но верили, что с нами ничего не случится. Знали, что бывают чудеса, да еще не такие! Чем мы хуже «Гебена», который гулял по минному полю, как раз по этим местам, и не взорвался, чего же нам беспокоиться, как-нибудь пройдем. Ночь была необыкновенно темная, небо было затянуто облаками. Машины «Кронштадта», к которым были приставлены кадеты, работали мерно. Полоски света из окон кают освещали воду за бортом на большое расстояние, и вода эта, как течение в реке, пробегала около корабля куда-то назад, во тьму. Группа кадет, поставленная на самый нос «Кронштадта», заботливо вглядывалась в темную воду и искала мины, хотя в этой темноте нельзя было ничего разобрать. Но главное, что они исправно исполняли свою должность. Так полагалось по морским правилам, и исполняющие такую должность называются «вахтенными»; в данном положении «Кронштадта», зашедшего в минное поле, служба эта была опасной и ответственной.

Капитан «Кронштадта» был энергичным и хладнокровным офицером. Из кадет 1-й и 2-й роты он сразу организовал всю команду корабля на все необходимые должности; кочегары встали к печам паровых котлов, были назначены и простые матросы, даже место радиотелеграфиста занял один офицер авиационного отряда, всем на быстроту коротко и ясно он объяснил их обязанности. Взрыв адской машины, от которого так сильно вздрогнул «Кронштадт», вышиб целую стальную плиту на правой подводной части на носу корабля, и вода хлынула внутрь. Кадеты, опять под руководством капитана, быстро наложили толстый пластырь на дыру, которая образовалась от взрыва, другая же группа насосами выкачивала воду из носового трюма. Насосы не успевали выкачивать всю воду, и она прибывала все больше и больше. Организовали вторую и третью группы, чтобы вычерпывать воду всеми имеющимися ведрами и выливать ее за борт по цепи, составленной из кадет. Но и это не помогало, вода все прибывала и прибывала. Паника среди пассажиров утихла почти совсем. Никому, кроме кадет, не было известно, что «Кронштадт»

двигается между минами, в самой середине минного поля, и что вода неудержимо прибывает. Поэтому палуба постепенно начала пустеть, все забирались в свои трюмы, чтобы немного отогреться и по возможности вздремнуть до рассвета. Мерно работавшие машины корабля успокаивали растрепанные нервы пассажиров и даже как-то убаюкивали.

Прибывающая в трюме вода накренила очень заметно на правый бок серую махину корабля. На заре, которая зимой наступает довольно поздно, «Кронштадт» опять вздрогнул. На этот раз толчок был настолько сильный, что многие даже чуть не упали. Машины остановились. Все проснулись и опять в панике бросились на палубу. Первая мысль у нас, кадет, была о том, что мы наскочили на мину. Но в наступающем рассвете можно было ясно разобратить, что перед носом «Кронштадта», приблизительно на расстоянии километра, успокаивает взоры черная лента холмистого берега, а корабль наш стоит совершенно неподвижно среди спокойного моря, сильно накренившись на правую сторону. «Берег близко, значит, можно и доплыть!» – мысль эта победила сразу панику, снова начавшуюся на палубе. Вскоре выяснилось, что наш капитан, успешно выведя «Кронштадт» из минного поля и видя, что вода все прибывает и грозит затопить корабль, решил искать мель, на которую и посадил нас. Хотя толчок, напугавший всех, был очень сильным, но вода перестала прибывать, уровень ее стал постоянным, и исчезла опасность потонуть, так как «Кронштадт» крепко врезался в песок.

С корабля понеслись по беспроволочному телеграфу первые просьбы о помощи – «S.O.S.», повторяющиеся каждые 15 минут. К 11 часам утра на горизонте показался английский крейсер. Он шел полным ходом по направлению к нам, но подойдя приблизительно на 500 метров, сделал два круга и так же быстро ушел. В 2 часа дня подошли 2 других английских корабля и остановились недалеко от нас. Видно было, как спускались шлюпки с матросами и как они гребли к нам. Они привезли с собой стальные тросы, которые прикрепили с обеих сторон кормы «Кронштадта». Пара матросов с флажками в руках остались у нас, а остальные пошли обратно. Через короткое время оба корабля стали нас тянуть с мели. Видно было, как сильно натягиваются тросы, как

вскипает вода под винтами кораблей, но «Кронштадт» не двигался с места. Начались какие-то переговоры через рупоры, маханье флажками и быстрое, и медленное, опять натягивались тросы и опять тянули без результата. «Тянут, потянут, вытянуть не могут, – шутили кадеты: – Надо позвать бабку да дедку!»

После повторных криков в рупоры на непонятном языке мы получили с капитанского мостика приказание, которое заключалось в том, что все пассажиры «Кронштадта» должны были выйти на палубу и собраться у левого борта. По знаку с мостика все сразу быстро должны были перебежать на правый борт и снова, по новому знаку, бежать обратно на левый борт. Началось что-то похожее на игру; пассажиры забегали по палубе то туда, то обратно. Стало весело, и захотелось даже подпрыгивать на бегу. Так бегали и бегали, так что даже стало казаться смешным, но вдруг «Кронштадт» закачался и постепенно стал сползать с мели, продолжая по инерции покачиваться. Оба английские корабля подошли к нам вплотную с обеих сторон, прикрепили нас к себе канатами, и наше путешествие началось снова. Мы шли в виду берега, обратно к Одессе. «Неужели же в руки большевиков?» – тревожно спрашивали друг друга офицеры, которые потеряли свой авторитет в наших глазах во время паники. «Возможно, что так!» – повторяли они, еще больше нервируя себя своими ответами. Мы же относились к этому как-то пассивно, веря, что и на этот раз избежим беды. А «Кронштадт», зажатый между двумя кораблями, как арестованный, шел обратно в Одессу.

Вода в трюме немного медленнее, чем раньше, но все же прибывала и прибывала. Уже были залиты все нижние трюмы, в потухнувшей кочегарке вода была уже по колено. Опасались взрывов еще не остывших котлов. Машинное отделение тоже наполнялось водой, и «Кронштадт», хотя и был прикреплен канатами с двух сторон, давал крен направо все сильнее и сильнее. Опять заработал радиотелеграф, на этот раз на боргу английских кораблей. Надвигались вечерние сумерки, как вдруг с треском лопнули канаты между «Кронштадтом» и правым английским кораблем, и наше судно резко еще больше наклонилось вправо и потянуло за собой левого «англичанина», на котором засуетились и быстро отвязались от нас. «Кронштадт» пошатнулся

и почти что лег на правый борт. Оба английских корабля отошли подальше от нас. На горизонте уже были видны зажженные фонари на одесских улицах и кое-где мигающие рекламы.

В наступающих сумерках виднелись силуэты стоящих на рейде иностранных военных судов, награжденных кадетами прозвищем «коршуны», и какой-то корабль, быстро идущий по направлению к нам. Все ближе и ближе, уже можно было прочитать, что на носу золотыми буквами было написано «Александр Михайлович». Он шел быстро и так же быстро подошел вплотную к правому борту «Кронштадта» и пришвартовался к нему. С нашего капитанского мостика раздалась команда: «Приготовиться к перегрузке! Сначала женский институт!».

Пока еще дисциплина держалась на высоте, и перегрузка институток прошла в порядке. Следующими следовали кадеты 3-й роты, и все шло сначала нормально, но когда перешла половина роты, «Кронштадт» резким движением еще больше накренился; началась опять паника, и перегрузка пошла без очереди, кто как и где мог успеть, перелезал или перепрыгивал через борт. С капитанского мостика спокойно и строго послышалась команда: «2-я рота на левый борт!». Приказание было немедленно исполнено, правый борт «Кронштадта» приподнялся, и переход остальных людей произошел более или менее в порядке. На «Александре Михайловиче» была французская команда. Наша 2-я рота терпеливо все еще находилась на левом борту «Кронштадта», а «Александр Михайлович» по французской команде быстро отвязался и стал медленно отходить. Мы все видели, как ген. Саранчев стал возмущенно требовать от французского капитана пристать обратно для перегрузки 2-й роты, но француз невозмутимо объяснял генералу, что его корабль перегружен и не может больше принять пассажиров без опасности самому перевернуться.

Генерал Саранчев беспомощно заплакал, встал на колени перед французским молокососом и, сложа руки, как на молитву, умолял этого субъекта не обречь кадет на гибель. Мы стояли молча на левом борту «Кронштадта», и нам было унижительно стыдно и больно за нашего доброго генерала. наших воспитателей с нами не было, они успели перегрузиться вовремя. Нам

не хотелось ни смотреть, ни слушать, ни думать; кто-то из кадет смущенно попытался острить, сказав: «Вот и приехали в Париж!».

«Кронштадт» наклонялся все больше, и вдруг его корма стала медленно подниматься, а нос стал опускаться в воду. Трап, висевший с правой стороны борта, неожиданно зацепился за верхнюю палубу «Александра Михайловича», и, чтобы освободиться от него, он должен был опять подойти вплотную к «Кронштадту». Кто-то вызывающе громко спросил: «Что ж, мы во Франции или в России?» – и как ответ на этот вопрос 2-я рота рванулась на палубу «Александра Михайловича». На возмущенные крики французика, который вытащил из кобуры револьвер и угрожал стрелять, никто не обращал внимания, и перегрузка прошла быстрее, чем можно было ожидать, а французского крикуна окружили здоровяки 1-й роты, да и «Александр Михайлович» совсем не думал переворачиваться, а освободясь от «Кронштадта», медленно отошел от него, направляясь к Одессе. Француз продолжал что-то картавить, но был беспомощен. «Ох, и была бы из него яичница, если бы хоть раз выстрелил!» – почесывая руки и расходясь от него, ворчали кадеты 1-й роты.

Все наши вещи, а главное съестные припасы, остались на «Кронштадте». На рейде Одессы, совсем недалеко от самого порта, сразу за молом, разделяющим порт от рейда, стоял на якоре маленький корабль торгового флота. К нему мы и подошли. Из злобы, или для удовлетворения своего оскорбленного французского самолюбия, французик приказал перегрузить на этот корабль 2-ю роту. После новых резких, но коротких объяснений с ген. Саранчевым мы получили распоряжение перегрузиться. Перелезали медленно, прощаясь с друзьями, весело шутя и посылая воздушные поцелуи по направлению капитанского мостика.

«Александр Михайлович» быстро отошел от нас и скрылся в темноте наступающей ночи. Мы разбрелись по нашему новому помещению, подыскивая себе места и стараясь устроиться на них поудобнее. Принимая во внимание, что с момента погрузки на «Кронштадт» мы еще ничего не ели, легко понять, что мы были озабочены поисками продуктов питания на этом нашем новом корабле. Но было темно, света на нем не было, спички следовало беречь для курения, и поэтому, решив дожидаться

утра, мы легли спать голодными, кому где удалось устроиться. Море начинало бушевать, и наше корыто качалось на волнах, как скорлупа от ореха, но это было даже кстати, так как убаюкивало и нагоняло сон. Спали хорошо и спокойно. Утром проснулись рано и начали знакомиться с нашим поплавком. Выйдя на палубу, увидели перед нами Одессу, залитую солнечным светом, во всей ее красе, украшенную красными флагами почти на каждом доме. Налюбовавшись этой неприятной картиной, мы установили, что являемся первым кораблем, стоящим на рейде так близко от совершенно пустого порта. Почувствовали, что появилась опасность неожиданного ночного нападения или обстрела днем, с берега. Установили дежурства.

После этого узнали, что наш тральщик, или грузовик, носит название «Паванна». Скоро нашли трюм, нагруженный мешками риса и сундуками с апельсинами. Это открытие было, пожалуй, самым радостным. Нашли и помещение кухни в полном порядке, с огромным запасом дров, разных размеров и сортов кастрюль, тарелок, чашек и чайников. Нашли и огромный танк, наполненный вкусной пресной водой, а также и исправный электрический мотор, дающий свет всему кораблю. Сразу же пустили его в ход. Топки были пусты, паровые котлы холодные, угля не было нигде, но машинное отделение было в порядке. Но зато помещения кают и трюмы напоминали собой нечто, подвергшееся неожиданному нападению пиратов в давние времена. Все было разломано, побито и разбросано. Кучи пустых бутылок от всяких напитков, окурки папирос и настоящий ковер из скорлупок семечек на полу говорили, что тут было веселое празднование хулиганов.

Наши добровольные повара приступили к стряпанью еды, комбинируя рис с апельсинами к завтраку, апельсины с рисом к обеду и рис без апельсинов к ужину. Другие занялись общей чисткой помещений. Горячий кипятком вместо чая можно было получить уже через 25 минут. Через несколько часов «Паванна» уже выглядела совсем иначе и даже приобрела уютный вид. Проходили дни и ночи, про нас, видимо, забыли. В солнечные дни мы изучали с палубы одесский бульвар, пустой порт, стоящие во круг на рейде военные суда «коршунов», с направленными на город орудиями для устрашения, смотрели в воду, а в ясные вечера

разглядывали звезды на небе. Других занятий не было. Без конца питались рисом и апельсинами, и разместившись уютной компанией в кружок, под разные рассказы друзей попивали кипяток и не унывали. Однажды подошла лодка с французскими матросами. По спущенному трапу они поднялись к нам; француз, морской офицер, долго о чем-то разговаривал по-французски с полк. Навроцким, потом сел в лодку и отчалил по направлению ближайшего крейсера. Через несколько часов мы заметили катер, быстро идущий к нам. Оказалось, что наши добрые союзнички привезли нам хлеб. Наше меню улучшилось, кроме риса и апельсинов мы получили наш православный солдатский русский хлеб, правда, немного суховатый, но главное не французский, а действительно наш. Казалось, что вкуснее этого хлеба нет ничего. С этих пор каждый день утром, точно как по часам, к нам подходил катер и привозил хлеб.

Один за другим пролетали дни беззаботной жизни на рейде. Некоторые шутили, что если бы еще какой-нибудь катер стал доставлять нам по утрам молоко, то можно было бы совсем вообразить, что мы богачи и проводим каникулы на собственной яхте. Но однажды вместе с привезенным хлебом к нам поднялось несколько французских матросов и офицер, которые остались у нас. наших поваров сменили, как потом выяснилось, итальянцами на французской службе. Капитанский мостик ожил, а «Паванна» украсилась сигнальными флажками, которые то подымались, то спускались на мачте. «Держись, Ванька, начинается!» – шептали наши остряки. Наша жизнь переменилась, и питание улучшилось, так как теперь тот же рис давали с каким-то сладким ароматным соусом со вкусом апельсина и тот же хлеб. Эта горсточка матросов была очень дружелюбна и симпатична, и мы с ними просто подружились; иначе и быть не могло, когда они так сердечно снабжали нас папиросами.

Однажды утром, когда с моря дул особенно сильный ветер, мы любовались, как мощные бушующие волны разбивались о камни мола, разделяющего порт от рейда. Настолько море на рейде бушевало, вздымая высокие волны, настолько в самом порту оно было спокойно и даже напоминало зеркальную поверхность озера. Внимание наше было привлечено к берегу, где

от одесского бульвара отчалила лодка, в которой виднелись силуэты двух людей. Они усиленно гребли, и лодка довольно быстро скользила по гладкому морю по направлению к выходу из порта. Когда она достигла середины, с берега раздались ружейные выстрелы, и пули стали ложиться вокруг лодки, поднимая высокие фонтаны в спокойной воде. Когда эти фонтаны были особенно близки к лодке, гребцы бросали весла и ложились на дно. Стрельба прекращалась, но когда через короткий промежуток люди поднимались и гребли опять, выстрелы начинались снова, и так продолжалось довольно долго. Мы с волнением наблюдали за этой картиной, всецело держа сторону гребцов на лодке и инстинктивно желая им помочь: раз они на воде, и по ним стреляют, значит, они принадлежат к нашему лагерю. Кто-то предложил открыть стрельбу по берегу, но у нас только несколько человек имели винтовки. Когда они вынесли их на палубу, энергично вмешался капитан-француз, категорически запретив открывать огонь; по его словам, это могло нарушить соглашение между французами и войсками, занявшими Одессу (не называя их большевиками). О существовании каких-либо соглашений мы еще тогда не имели никакого понятия и узнали о них значительно позже, но принуждены были разочарованно покориться, сжимая кулаки в бессильной злобе.

Между тем лодка была уже на расстоянии всего около 30 метров от камней волнореза, когда стрельба с берега особенно усилилась. От фонтанов воды, подымавшихся от пуль, лодку временами было почти не видно. Гребцы снова упали на дно, и на этот раз особенно долго не поднимались. Ветер, дувший с моря, стал сносить лодку обратно к берегу, но обстрел лодки прекратился. «По-видимому, оба убиты!» – выразил вслух свою мысль кто-то из наших кадет, но мы молча продолжали наблюдать за лодкой. Но тут вдруг из нее поднялась одна фигура, быстро скользнула через борт в воду и поплыла по направлению к молу. Было ли это замечено с берега, или нет, – неизвестно, но оттуда больше не стреляли. Второй беглец из лодки не поднимался, а ветер продолжал медленно нести ее к берегу. Общее внимание сосредоточилось на плывущем человеке. Он подвигался быстро и приближался к волнорезу, отделявшему порт от рейда и составленному из больших каменных кубов, которые тянулись высокой и длин-

ной лентой. С нашей стороны об этот мол с силой разбивались высокие волны, поднимаясь пенистыми брызгами и полностью заливая камни белой пеной.

Именно к этим камням и приближался плывущий. Вот он уже уцепился за камень и вскарабкался на него, но налетевший вал с силой смыл его обратно в воду. Опять уцепился, опять влез, машет рукой и что-то отчаянно кричит, но опять его смывает вал. Так продолжается долго. Нервы напряжены – как ему помочь? Нельзя же допустить, чтобы человек, спасшийся от большевиков, погиб на наших глазах у нас под носом. «Лодку бы послать», – слышались голоса кадет. Кто-то побежал к полк. Навроцкому, кто-то из умеющих говорить по-французски – к капитану, прося разрешения опустить лодку и спасти человека. Но француз и слышать не хотел о таком риске, объясняя, что вмешательством в такое щекотливое дело можно вызвать вооруженную стычку, нарушение договора и много неприятностей и выговоров от своего начальства. Делать было нечего, все находившиеся на «Паванне» столпились на корме и с тревогой наблюдали за волнующей картиной.

Видя безвыходное положение беглеца, пара кадет приняла быстрое решение. Побежали к своим приятелям, французским матросам, каким-то образом объяснили им суть дела, больше жестами, чем словами, и уговорили спустить лодку и спасти человека, утаив, что капитан «Паванны» этого не разрешает. Никто и не заметил, как с носа нашего корабля быстро спустилась на воду единственная наша спасательная лодка, в которой уже находились смелые заговорщики и матросы. Капитан-француз как раз горячо объяснялся с полк. Навроцким, когда лодка, качаясь на волнах, прошла уже довольно далеко от «Паванны» по направлению к молу. Когда капитан-француз их заметил, он побледнел как полотно и стал что-то неистово кричать и махать руками. Не знаю, слышали ли его гребцы, или шум ветра и волн заглушал отчаянный вопль капитана, только лодка все ближе подходила к молу, и гребцы, по-видимому, не думали о возвращении. Человек в воде по-прежнему пытался ухватиться за камни, хотя чувствовалось, что он изнемогает; но при виде приближающейся лодки силы к нему вернулись,

он быстро забрался на верх каменного мола и, не ожидая, чтобы волна его снова омыла, бросился в набегающий вал со стороны рейда. Один момент казалось, что волна разобьет его об острые камни, но судьба улыбнулась пловцу. Белая пена закрыла его от наших взоров, а отходящая волна отнесла от камней. Когда его голова снова появилась на поверхности, он был уже довольно далеко от мола, а расстояние между ним и лодкой все уменьшалось. Это было удачно для всех, так как лодка не могла подойти к острым камням со стороны открытого моря без опасности разбиться в мелкие щепки, а одновременно разбились бы и отважные гребцы.

Наконец мы увидели, как истомленный человек подплыл к лодке, как гребцы ухватили его за руки, втащили в лодку и пошли назад. Француз-капитан с выражением полного отчаяния на лице ушел в свою каюту, сильно хлопнув дверью. С радостью и с любопытством мы следили, как лодка причалила к кораблю и как ее начали поднимать наверх. На дне лодки, тяжело дыша и закрыв глаза, лежал молодой человек, одетый в форму французского матроса. Лицо его было избито, покрыто крупными синяками и опухшее, из рук, покрытых ранами и царапинами, сочилась кровь и окрашивала в розовый цвет воду, которая текла из мокрой одежды спасенного человека. Его перенесли в каюту капитана, который больше не ругался и вполне успокоился. Он смущенно благодарил своих смелых матросов и сигнализировал флажками на соседний крейсер о случившемся. Оттуда он получил ответ, но мы не смогли узнать, что ему передали.

Наши взоры снова привлекла лодка в порту, которую ветер почти подогнал к берегу, где уже как муравьи толпились люди. Из рассказа спасенного французского матроса выяснилось, что вторым человеком в лодке был наш офицер доброволец; он был тяжело ранен и, по мнению матроса-француза, должен был умереть прежде, чем лодка пристанет к берегу. Оба они были пойманы в Одессе красными, арестованы, избиты и приговорены к расстрелу со многими другими. Им двоим удалось бежать, когда их вели на расстрел; скитаясь и скрываясь в погребах домов, они добрались до порта, овладели лодкой, но были замечены... все остальное нам уже было известно самим.

Странные и удивительно разные понятия встречаются у людей разных наций; нам, кадетам, казалось несомненным, что если бы раненым оказался французский матрос, то наш офицер не выскочил бы из лодки в воду, а попытался бы вывести лодку с раненым из порта, или же сам бы погиб вместе с ним. Хотя, может быть, это так только казалось нам из-за затаенной обиды в душе за русского офицера.

Лодка уже совсем подошла к берегу, но не было слышно никакого выстрела. Это успокоило нас и прогнало тяжелые опасения, витавшие в наших головах. Темнота наступала быстро. На бульваре зажглись огни, и приставшая к берегу лодка утонула во мраке наступившей ночи. На другой день спасенного француза увезли куда-то на «хлебном» катере. В этот же день, немного позже, к нам подошел большой катер, который с трудом снял нас с якоря и потащил на буксире куда-то в глубину рейда. Уже далеко, за всеми военными судами, стоял на якоре угольщик, такой же заброшенный и забытый, как «Паванна»; нас подвели к нему и пришвартовали к его борту. По распоряжению капитана мы начали большими корзинами перегружать уголь на «Паванну». Лебедка была испорчена, и грузить пришлось вручную. Работала вся рота с раннего утра до позднего вечера, и так несколько дней.

Наконец настал день, когда по окончании нашей работы мы решили исследовать этот заброшенный корабль и маленькими группами в два, три человека расползлись по трюмам и каютам угольщика. Первое впечатление заставляло тревожно думать о тех ужасах, которые здесь происходили перед тем, как его покинула команда. Машинное отделение было разбито до виртуозности, котлы пробиты и забрызганы кровью, на грязном полу в узких коридорах тоже встречались лужи засохшей крови. Осколки стекла, пустые винтовочные гильзы и следы пуль – вот что мы находили на каждом шагу, причем на корабле не оставалось ни одной лодки. Между прочим, их не было и на «Паванне», за исключением одной, вероятно, случайно забытой. В узких коридорах было темно, электричество было испорчено. Наша группа бродила внизу, заглядывая в каюты, по-видимому, недавно еще принадлежавшие матросам из команды этого корабля. Пустые бутылки от водки, разбитые и целые, были единственными

предметами, которые мы находили в каютах. Переходя из одной в другую, мы подошли к железной двери, у которой было маленькое окно с решеткой. Дверь была закрыта на большой висячий замок: маленькое помещение за ней, по-видимому, предназначалось для кладовой или для магазина. Любопытство толкнуло нас заглянуть через решетку вовнутрь. И вдруг оттуда на нас выглянуло худое изможденное лицо живого человека. Исхудалыми руками, обнажая грудь, покрытую грязной измятой рубашкой, он заговорил хриплым голосом: «Убейте меня, я больше не могу, убейте!». От такой неожиданности, при всей нашей храбрости, мы бросились бежать наверх из темного коридора, перегоняя друг друга.

Захлебываясь от волнения, мы доложили полк. Навроцкому о том, что видели, а он передал это французу-капитану; уже минут через двадцать французские матросы вывели под руки высокого худого человека, еле державшегося на ногах, заросшего рыжей бородой, грязного, одетого в морскую форму торгового флота. Оказалось, что это был капитан этого угольщика; матросы перед своим уходом с корабля избили его до бесчувствия, закрыли на замок в этой маленькой кладовой, предварительно унеся все съестные припасы и запас пресной воды. С остальными разделались по-своему, просто перестреляли и побросали в воду, а сами на спасательных лодках ушли ночью в Одессу. Что было с этим бедным капитаном дальше, нам неизвестно. Его с «хлебным» катером перевезли на французский крейсер, и мы не узнали его дальнейшую судьбу.

На другой день мы, кочегары, затопили печи под котлами и начали поднимать пары. Приблизительно после двадцати часов, к вечерней заре, торжественно снялись с якоря. С «Паванны» раздался длинный, густого баса свисток, сопровождаемый облаком вылетающего пара, и мы пошли довольно быстро, разрезая небольшие волны открытого моря. Одесса оставалась сзади. Кое-где мерцали зажженные рекламы и виднелись фонари одесского бульвара. Уже в наступивших сумерках «Паванна» прошла недалеко от затопленного корабля. Из воды только торчали длинные мачты, наклоненные вправо, и часть кормы, на которой можно было ясно прочесть надпись белыми буквами «Кронштадт». «Это военная плавучая мастерская Балтийского флота», – заметил

опять знакомый голос знатока кадета. «Не плавающая, а ныряющая», – поправил его один из остряков.

Было тихо и спокойно. Перед нами колыхалось Черное море, на западной части неба краснели облака. За бортом ясно доносились всплески воды. Это кадеты бросали за борт свой ужин, рис с апельсинами, а запоздалые чайки, летевшие за «Паванной», с жадными криками набрасывались на эту добычу, как на какой-то неведомый до сих пор деликатес. Права была поговорка, что на вкус и цвет товарища нет!

Куда мы шли, никто из кадет не знал, но нас это мало интересовало. Было приятно двигаться после долгого стоянья и после всего пережитого. Погода была дивная, море довольно спокойное, время проходило быстро и весело. Наблюдали за чайками, провожавшими нас из самой Одессы, любовались дельфинами, прыгавшими вокруг нашего корабля, и внимательно вглядывались в горизонт, надеясь увидеть землю. Но земли нигде не было, только море, море и море!..

Кто-то из кадет заметил приближающийся к нам в воде большой белый предмет и объявил первое, что ему пришло в голову: «Мина!». Но оказалось, что это был лишь большой пакет, связанный простыней, упавший, по-видимому, с какого-то корабля. Началась ловля пакета; когда его поймали и вытащили, то, рассмотрев его содержимое, увидели, что он состоял из платьев, белья, чулок, ботинок и прочих вещей женского туалета. Кадеты разобрали вещи и в скором времени на нашей палубе устроили настоящий маскарад. В длинных платьях, в ботинках на высоких каблуках, в шляпках и с открытым зонтиком неуклюже прогуливались переодетые кадеты, вызывая громкий смех у остальных. Но это быстро надоело.

После нескольких дней беззаботного плаванья уже совсем под вечер заметили вдали полоску земли. К утру эта полоска превратилась в высокие горы, и наша «Паванна» вошла в порт Новороссийска и пришвартовалась к пристани. На ней толпились жители города, ожидавшие вновь прибывший корабль, и с любопытством рассматривая нас, вступали в разговоры и засыпали вопросами. В этом шуме разговоров выделился громкий женский голос, кричавший нам навстречу: «Кадеты, есть ли между вами кадет

Буйневич, или кто-нибудь знает, где он?». Много голосов кадет сразу ответили на это, а я, тоже стоявший на палубе «Паванны», на ее носу, узнал голос моей матери, с которой я давно уже потерял всякую связь из-за происшедших политических событий. Такая неожиданная счастливая встреча привела меня в восторг, и я поспешил к спущенному трапу, чтобы сойти вниз на пристань. По нему уже опускались матросы, а передо мной вступил на него кадет Рогойский-старший. Трап был очень крутой, и по нему ходили медленно. Не успел я сделать и трех шагов, как послышался треск, трап сломался, и все мы в один момент очутились в воде между кораблем и пристанью.

Раздались крики, произошла суматоха, и нам начали бросать спасательные круги. Конечно, очень спешили, так как была опасность, что наш корабль, который волны прижимали к пристани, мог легко нас раздавить, тем более что расстояние заметно уменьшалось. Не ожидая помощи, я сразу поплыл к выходу из этого узкого прохода. Рогойского вытащили наверх, а я плыл до того места, где находились моторные лодки, и вылез на ступеньки пристани. Моя мать, почти потеряв сознание, стояла, поддерживаемая какими-то офицерами. Я поспешил к ней. С меня лилась вода, мокрая одежда прилипла к телу, из сапог брызгали фонтаны и мешали идти нормально. Мой вид был, наверное, смешон, так как мои товарищи весело смеялись, смотря на меня. Впрочем, смеялся и я сам. С мамой я уехал сушиться на их квартиру, где остался и спать. На другой день утром я пошел на пристань, но «Паванны» уже не было, она ушла прошлым вечером, унося моих товарищей 2-й роты в Туапсе. Так я и не смог попрощаться, а со многими из них уже не встретился больше никогда.

Проходило время, все мы ушли из России, и в Югославии образовались кадетские корпуса, сохранившие старые традиции и великую любовь к Родине. Вторая мировая война снова разрушила нормальную жизнь и разбросала кадет по всему миру. Как-то, в конце уже 1945 года, мне пришлось пролетать над побережьем Адриатического моря. В одном из мест был виден затопленный корабль. Из воды торчали наклоненные в правую сторону мачты, а на корме, торчавшей из воды, можно было прочесть надпись «Куманово». Вспомнился «Кронштадт», и вдруг

возникла в памяти статья из сербской газеты «Политика». В ней говорилось, что ген. Врангель подарил Королевству С. Х. С. пассажирский пароход «Александр Михайлович», которому дали новое имя «Куманово», и что это очень было полезно для королевства. В этой же статье приводился и протест французского правительства, которое настаивало на том, что вся флотилия, ушедшая из России, должна была быть поставлена в Бизерте. Все это вспомнилось так живо, что сердце сжалось от обиды. Так вот где опять встретился мне этот корабль! Давно уже воды смыли следы слез генерала Саранчева с твоей палубы, но из памяти это не изгнать, и забыть это невозможно.

IV в. Рус. Кад. Кор.

Обнаружил и прислал из Нью-Йорка Леонид Рабинович

